

ОМЕНА
г. Ленинград
24 АПР 1964

СЕРДЦЕ САТИРИКА...

Эстрада

«ВОЛШЕБНИКИ ЖИВУТ РЯДОМ»

...Все-таки очень приятно, что Райкин — ленинградец, что в названии европейского известного Театра миниатор стоит слово «ленинградский». Хорошо иметь такого земляка!

...Зал переполнен. Десятки, а может, добрая сотня людей стоят в проходах. Около 3 часов идет программа. Большой труд для артистов, большой труд и для стойчих зрителей. Но недовольных нет. После конца никто не спешит уйти. Бурей аплодисментов зрители продлевают эту встречу еще на несколько минут.

...Мне захотелось написать о спектакле «Волшебники живут рядом» потому, что много нового открылось здесь и в артисте, и в самом жанре эстрады. Я не рецензент, и это не рецензия. Я не собираюсь делать всестороннего анализа спектакля. Заранее огорчаюсь, что оставляю в стороне поправившиеся мне актерские работы (в этой программе — особенно работы Т. Купшелевской, И. Петрущенко, Н. Соловьевой, В. Ляховича), режиссерскую работу А. И. Путьшикина, как всегда, полную вкуса. Я хочу говорить о том принципиально новом, что я увидел в этом спектакле, а оно связано прежде всего с автором и главным исполнителем.

Программу написал ленинградский драматург Александр Хазин. Лирическая, душевная нота, которая звучит в глубине даже самых острых и злых характеристик, так свойственная артистичному Райкину, свойственна и перу Хазина. Их голоса легко сливаются в яркий аккорд. Новая программа прежде всего гражданственна. Лучшие из песен (а в данном случае это скорее пьесы, чем миниатюры) поднимают действительно важные, глубокие проблемы. За тысячами лиц Аркадия Райкина в этом спектакле ярче, чем когда бы то ни было, видно одно лицо — лицо артиста-гражданина. Не похуже, не узнаваемость, не виртуозно воплощенная наблюдательность (это все само собой), а горечь при виде человеческих пороков, вера в возможность борьбы с ними, страстный призыв к этой борьбе — вот что больше всего поразило меня в этой программе.

...Что-то от брехтовского театра есть в раздвоении Райкина на «любителя», вспоминающего свою жизнь, смешанную из глупости и подлости, и на артиста-автора, как бы со стороны следящего за этими воспоминаниями, вместе со зрителем смеющегося над ними и спрашивающего себя и сидящих в зале: как развилось среди нас такое чудовище, где еще живы, его подпочвенные жизненные корни, как вырвать их?

А вот другой персонаж — председатель колхоза — олицетворение бессмысленного формализма, самодовольный, потерявший всякое ощущение грани между правдой и ложью, живущий одним желанием — отличиться, выслужиться. Почти символическая сцена, когда он, в пьяном угаре рассказывая о своей поездке за границу, говорит одними интонациями. Слов нет, их не разобрать ни нам, ни ему. Есть только утвер-

дительные и отрицательные интонации. Но его подругичный голос очень смешно играет. Актриса В. Ляховичкина прививает интонации без смысла, и точно знает, где кричать «Молодец!», а где «У, дьявол!». Актриса этой пьесы — разговор человека с коровой, где он, то ли пытаясь поднять корову до своего уровня, то ли сам опускается до состояния животного, требует от коровы принятия обязательств, ставит перед ней задачи, грозит отставкой.

Смелому, гражданственному содержанию соответствует форма. Пьесы, составляющие программу, тяготеют к многоплановости, к сложной внутренней композиции, иногда к большой временной длительности («Юбилей»), иногда к смешениям во времени («Взятка»). Это не случайно. Это отражает, мне кажется, закономерное движение театра от примитивности к завершённости, к сложному, от парадокса к конкретному, осмысленному, серьезному, к полному действительности.

Вот перед нами волокитеч... Тут уже тройной ход — на первом плане равнодушный начинающий, во втором — его сосуществование — это, если можно так сказать, страстно-равнодушный человек, равнодушные — его профессия, его сердцевина, а за ними на третьем плане угадываются гневные и вместе с тем полные остроумия глаза Райкина.

Это все не наброски, это цельные характеры с судьбой, с биографией.

И еще одно — это очень смешно. Оценил. Я рассказал о трех номерах, понравившихся мне больше всего. Теперь о спектакле в целом. Спектакль имеет заданный с самого начала ход — что было бы, если бы люди, столкнувшись в конфликте, поменять местами — наоборот, они поняли бы друг друга. Добрая фея (арт. Н. Соловьева) и занимается этими волшебными превращениями. Ход хорош, но не скрывает ли он несколько возможности автора и актера? Последовательный проведенный через все номера, он, мне кажется, ограничивает число неожиданностей, на которых строится искусство смеха. В таком номере, скажем, как «Перед экзаменом», внутреннее действие миниатюры подается общей направленностью. Когда мы видим студента, болящего сердцем, профессора, исходя из предыдущих пьес, предугадываем, что появится «добрая фея и уже профессор будет болять сердцем студентов. Райкин и здесь бистателен, но артист идет вперед действия, и открывает, свойственных другим номерам, здесь не происходит.

В первом отделении развитие сюжета прерывается монологом — размышлениями Аркадия Райкина. И это, по-моему, замечатель-

но. Райкин говорит от себя, лишь намечая множество разнообразных характеров. Тема монолога — откуда берется пороки. Монолог смешной, глубокий, умный. Если бы таких отступлений от сюжета было больше, программа выиграла бы.

Мне показалось несколько излишне техничным, а потому немного тяжелым оформление спектакля. Прелесть райкинского театра для меня в том, что все чудеса творятся на наших глазах, исключительно силой актерской фантазии, изобретательности, силой мгновенного перевоплощения.

Здесь же обилие движущихся и вертящихся площадок, «чудеса техники», несколько скрадывают актерское чудо, которое куда дороже, и хочется, чтобы оно было подчеркнуто.

Висоцем, я не критик, и мое мнение субъективно и к тому же — актерское.

...Проходит день за днем с тех пор, как я посмотрел спектакль, новые дела, новые впечатления пришли ко мне, но не уходят из памяти ни старый интеллигент, всю жизнь мечтавший об отдельной квартире и отказавшийся от нее, потому что попал в лапы к аферисту, ни, не захотев ему уступить, ни профессор, готовый к милости характера поступить и своими интересами и интересами своего дела; ни вышеупомянутый любитель, ни «поэт» вошедший в начальственным грелом.

...Еще люди. Разные. Глупые, добрые, смешные, страшные, но все-таки не очень страшные, потому что они разоблачены артистом-гражданином Аркадием Райкиным. И очень, очень смешные, потому что они созданы большим мастером сцены — Аркадием Райкиным.

Сергей ЮРСКИЙ